

Колонка

«НГ» ПОДРОБНО писала (27.02.97) о конкурсе на реконструкцию Берсеневки в Москве – местности между Москвой-рекой и Водоотводным каналом, противостоящей храму Христа Спасителя. Мы выделили в качестве лучших, с художественной точки зрения, проекты Александра Асадова и Михаила Филиппова, а также – с точки зрения реалистичности – Андрея Бокова. Именно проект Бокова (отметив, впрочем, и два других) предпочло жюри, объявившее свое решение на минувшей неделе. Проектом предусмотрено мост через реку от эспланады храма Христа Спасителя, новая улица на «острове», продолжающая эту ось и перешагивающая мостом через канал на Большую Якиманку. Боков максимально сохраняет существующую застройку и структуру домовладений, в которых разбиваются сады. Наибольшие сомнения вызывает декорация фасадов главной улицы, но работа над проектом будет продолжена.

Р.Р.

ЭКСПОЗИЦИЯ, посвященная современному французскому витражу, проходит в Международном центре витража в Шартре (до 13 апреля). Но, видимо, более актуальным для нынешней архитектурной ситуации представляется недавнее прошлое: массовые застройки 50-х гг. В отличие от русских с их анонимными «хрущевками», французы помнят и чтят своих героев. Одним из лидеров «экономичных проектов» тех лет был Жан Дюбюиссон (род. 1914), чья персональная выставка открыта во Французском институте архитектуры в Париже до 15 апреля.

Интересно, что певец малобюджетных зданий для сотен семей и тысяч одиноких начинал со специальных проектов. Вернувшись в 1950-м из «Вечного города», где он пять лет «отбывал» Римскую премию, Дюбюиссон проектировал жилье для натовских офицеров и «резиденцию в парке» Сен-Жермен-де-Лайе, стараясь по возможности заменить стены окнами, а несущие конструкции располагать перпендикулярно фасаду. Приверженность к урбанизму, а также новые времена (Пятая Республика положила конец всякому экспериментаторству, заменив его рационализмом) погубили архитектора в создании огромных, на 1200–1600 квартир, комплексов.

Конечно, их решение и сегодня вызывает интерес: идеи функционализма вечны, а построенное по проекту Дюбюиссона «здание-стена» на Монпарнасе стало символом новой эпохи. Но жизнь в таких домах далека от идеальной. Сколь бы ни были просторны квартиры, из щелей дует, а места все равно катастрофически не хватает. Так что отсутствию каталога на этой выставке удивляться не приходится. Кто-то из организаторов, видимо, жил в доме, построенном по «экономичному проекту».

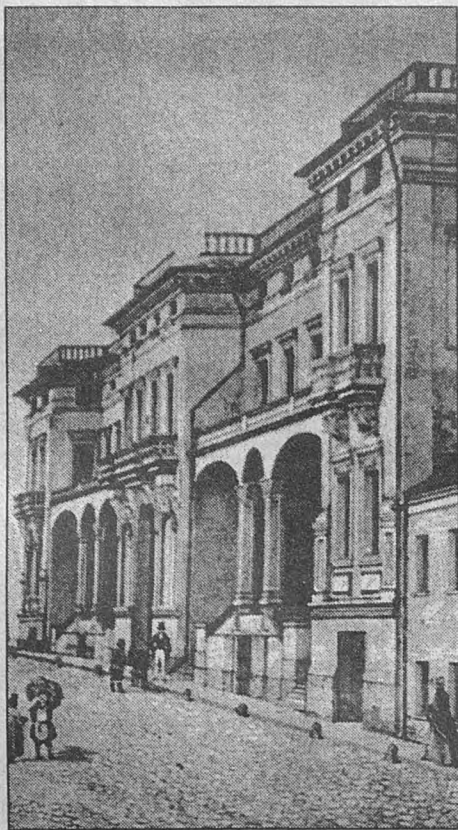
КИСТОКАМ рационализма в современном градостроении, обратившись в эти дни в Берлинскую Академию искусств, отдавшая свои залы под немецкую архитектуру и дизайн 1910–1936 гг. В центре академического внимания – работа одного из баухаузовцев Тило Шодера. А Художественный музей Доссельдорфа на выставке «68» рассматривает (до 26 апреля) наиболее любопытные, пожалуй, формы послевоенного быта – дизайн и повседневную культуру 1968 г. Среди самых интересных экспонатов здесь – реконструкция одной итальянской дискотеки той поры и полностью выполненный из искусственных материалов «Дом будущего» Матти Сууронена.

Алексей МОКРОУСОВ

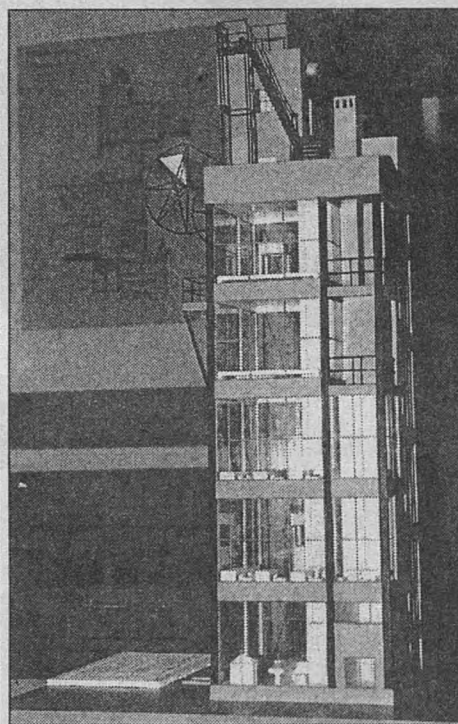
Колонка

В немецких дворах.

Дворец Гагарина. 1700-е годы. Рисунок Н. Мартынова.

Братья Веснины. Конкурсный проект московского представительства «Ленинградской правды». Макет. На втором плане – конкурсный проект К.Мельникова, 1920-е гг. (Не осуществлен.)

Рустам Рахматуллин

МУЗЕЙ архитектуры делает свои выставки с сердцем. Сердечность, конечно, еще не концептуальность, но и не хуже концептуальности, тем более что эта последняя тоже налицо. Обходя по стрелке периметр двустолпной палаты древнего Аптекарского приказа, посетитель выставки проходит вдоль по Тверской да по Тверской-Ямской от Манежной к Белорусскому. Нечетные дома остаются на планшетах слева, четные – справа. Тщательно склеенные развертки фронта старой застройки – снизу, развертки нынешней застройки – сверху.

УЛИЦА КОЙКОГО

Музей архитектуры встретил годовщину Горького выставкой «Тверская»

В Музее архитектуры на Воздвиженке открылась выставка, посвященная истории и реконструкции Тверской улицы. На самом деле выставкой охвачены Тверская и 1-я Тверская-Ямская – то есть бывшая улица Горького. Даже если устроители не со знавали юбилейно-горьковского смысла своих намерений, этот смысл присутствует и означает вовлеченность музея в круговорот культурного календаря.

Этапы пути фиксированы синими уличными табличками: «Тверская площадь», «Пушкинская», «Триумфальная»... Отвлекаясь от предмета, замечаешь круг старомодных уличных часов, прибитый к ширме, и световые форы на веревочке.

Но настоящая концептуальность начинается, когда заканчивается маршрут и площадь Белорусского вокзала словно бы превращается в Манежную. Такая вынужденная планом помещения округлость выставки (линейное решение предполагало бы афиладу или коридор) хороша для представления какой-то кольцевой дороги. И получается, что направление на Петербург теперь никуда не лучше направления на Киев или Нижний. Становится понятно, что во времена, когда риторика насчет второй столицы никого уже не убеждает, у радиально- (или веерно-) кольцевой Москвы главная улица может быть только кольцевой, никак не радиальной. Вот музейщики и закрутили радиус.

Подозреваю, это было ясно уже в 1930-е. Ответом на эту явность стала тогда искусственная возгонка «главности» Тверской – то есть ее пересоздание в улицу Горького. Сегодняшняя выставка дает понять, что нагнетать и дальше эту «главность» невозможно.

При том что стройка продолжается: Посохин-младший (как всегда ужасный, на этот раз с налстройкой Елисейского магазина), Локтев, Меерсон, Захаров и другие современные выставки здесь свои планшеты и макеты, адресованные на Тверскую. Как и у революции, нет у Тверской конца.

Но есть начало. Ибо на выставке блистательно отсутствует средневековая. Тверская начата музейщиками от Петра и Петербурга, то есть с той минуты, когда становится проблемой. Эта проблема существует и теперь – и так же очевидно, как явственно отсутствует проблема Дмитровки или Никитской.

Д ЕФОРМАЦИИ идеального круга Москвы обозначились при первых Романовых. Возвышение загородных резиденций царей на востоке – Рубцова, Измайлова, Преображенского – не означало, конечно, особого влета Покровки; не означало его и вытеснение всех иноземцев вдоль этого вектора, к Яузе (Немецкая слобода). Но при начале петровской эпохи сплетение царских усадеб с немецкими в какое-то новое целое – Яузскую Москву – переменило все. Вне города образовалась планета с гравитацией, способной потянуть к себе круглое тело Москвы так, как сила Луны поднимает приливы на теле Земли. Минуту полвека – и город, как он зафиксирован первыми геодезистами, оказался фигурой барочно неправильной, вытянутой на восток-северо-восток, выходящей в себя круг всея Яузы и Кокуя. Связующим гвоздем и осью тяготения между Москвой и Яузой стали Покровка и ее соперница – Мясницкая, любимая Петром. Покровка и Мясницкая и были первыми путями в Петербург, при том что Петербург был свой, домашний, закоулочный. Понадобилось акклиматизировать Лифортво, Немецкую, Преображенскую, лишить их духа иноземности и оппозиционности – чтобы почувствовать иное тяготение: северо-западное, собственно Санкт-Петербургское. Оно усилилось в екатерининское время, густо оформив Тверскую казакским альбомным классицизмом (так что и на разрушенном улице остались целы три-четыре казакских здания).

Предыдущая эпоха отмечена на выставке

только домом Гагарина 1700-х годов на первом же планшете, у дверей. Едва ли странно в этом разе, что дом Гагарина был уничтожен еще в начале века: как будто улица его отторгла. А между тем Гагаринский дворец был два столетия первейшим домом на Тверской: он открывал Тверскую, как скрипичный ключ. Тверская – улица чудес и странностей, гагаринский же дом был первой странностью ее – по времени и по масштабу. Странность его так бросилась в глаза жителю 1700-х, что дворец раздался по масштабу: на одной из панорам он доминирует над частью города, не будучи большим. И спустя полвека Баженов не нашел равного ему в Москве. Тогда же Джакомо Кваренги свел Гагаринский дом на одну панораму с церковью Успения, что на Покровке, – с тем же лучшим, по мнению Баженова же, храмом города. Кваренгевский лист присутствует в начале экспозиции, бессознательно обозначая связь Покровки и Тверской и переход главенства ко второй от первой именно во времена Кваренги.

Но вещи, как Гагаринский дворец, не исчезают просто так. Дворец был воплощением 1700-х с их междустильем, равноудаленным иногда от классицизма и барокко. Нужно пройти по Горького, рассматривая декорацию 1930-х и 40-х, чтобы в какой-то миг – не дальше дома между Мамонтовским и Благоевским переулками, где архитектором был Буров, а художником по эскизам Фаворский, – понять, что дом Гагарина размылся. Он аномалия из тех, когда возмещается стиль, до которого два и три века пути. Гагаринский дом – беззаконная древняя родина сталинского стиля.

После этой странности мало что странно на улице Горького. И все-таки почему не снесли, при тотальном погроме, а хлопотливо подвинули Саввинское подворье, этот стубо «декадентский» дом (макет подворья с механизмом передвижки жлет нас за углом маршрута)? И почему подвинули, а не снесли дворец Мамонтова, отлавив место дому Бурова-Фаворского, чтоб самому встать в переулке под 90 градусов к себе прежнему, да еще на новый этап, подвешенный снизу за счет рельефа, – став чуть ли не единственным на свете домом, у которого верх старее низа? Дингали и Моссовет, и Пушкина, и дом Гудовича, и «Сытина» – уже на памяти последних поколений... Английский клуб не двигали – ему укоротили крылья, оформив заново кулишки флигелей, так что глубина двора бывшего времени невольно переплетается с фотографией. В итоге сносов и передвижек остатки старого фронта застройки сначала видятся на левой стороне от центра («Националь» и Театр Ермоловой), потом – на правой (Филипповская булочная, «Елисеев», «Сытин», далее везде). А это значит, что подлинная Тверская лежит под улицей Горького диагонально. Улица Горького и улица Тверская – те параллельные, которые пересекаются в экстазе лобачевской геометрии Москвы.

Но если улицу возможно расчертить диагонально, то перед нами площадь. Истерики сменя декораций, драпировка колоколен, передвижки и замены монументов на важнейших перекрестках (обелиск Конституции работы Николая Андреева, стоявший перед Моссоветом, предьявлен нам на выставке двухметровой моделью) – все это суть судороги поиска и усиления какого-либо центра,

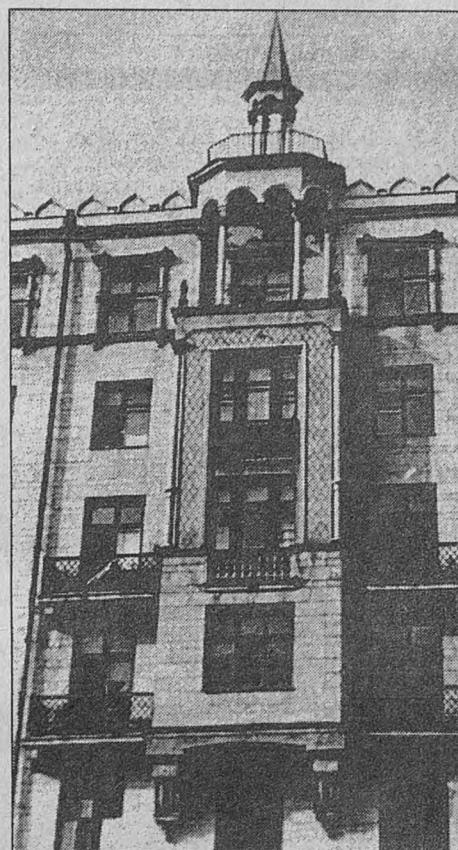
главной поперечной оси странной улицы. Оси, не находимой в принципе. Улицей остается Тверскую несправленную кривизну (по гребню водораздела между Неглинной и Москвой-рекой), подъем на горб рельефа и...

И НАПОСЛЕДОК – об этом «и». Старую Тверскую мы помним по открыткам. Открытки с видами кривой и узкой улицы дают всякий дом в ракурсе, и чаще в остром. Дом, даже невысокий, склопывается в вертикаль с нахлестывающимися на себя подробностями. Живую улицу мы бы воспринимали так же – с той разницей, что не были бы лишены возможности рассматривать фасады в лоб. Старые фотографии, конечно, тоже имели эту возможность, но не очень увлекались ею, как не очень увлекается и пешеход, – да и не всякий дом мог поместиться в объектив с дистанции другого тротуара. Надо войти во двор, где спрятали Саввинское подворье, увидеть его в лоб и не суметь сфотографировать. Вот почему так мелко компилированы и еще меньше узнаваемы фронтальные фотозавертки старой улицы, склеенные для экспозиции. Вот отчего совсем не узнаваемы на взгляд неуклюжего графического из альбомов Казакова фиксации главных фасадов здешних дворцов. И даже искусственный не сразу узнает у Казакова Гагаринский дворец, известный больше в остроракурсном рисунке Мартынова. Для пешехода острый ракурс так обычен, что Шехтель, сочиняя свою часовню в память бракосочетания наследника (1890), стоявшую в ограде церкви Василия Кесарийского на Тверской-Ямской, развернул ее высокий четверик под 45 градусов, на приближающегося вдоль улицы зрителя.

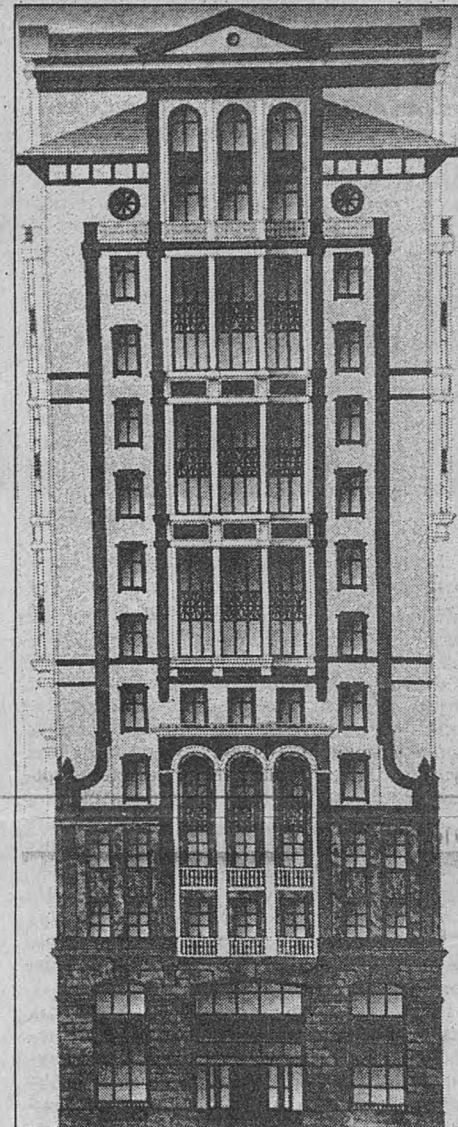
И вот в отличие от уничтоженной Тверской, на улице Горького с ее длиннейшими фасадами и запредельной шириной такие «склопывающиеся» фасады-ракурсы чрезвычайно редки. И потому так часты здесь попытки регенерации традиционной улицы путем физического «склопывания» архитектуры, утрирования по высоте и заужения по основанию. Все знаменитые проекты конкурса на здание корпункта «Ленинградской правды» – Веснинных ли, Мельникова ли – берут этой башнеобразностью, словно предчувствуя грядущий снос и расширение Тверской. Дефицит острого ракурса дал и вертикаль чудовищного «Интуриста», и прихотливый торцевой абрис «Макдоналдса» углом Газетного переулка, и эркеры с венчающими шпилями мордвиновского дома (№ 15–17), и невозможно вытянутый, вытянувшийся вверх всю декорацию пена, достраиваемый сегодня архитектором Андреевым на углу Тверской-Ямской и Фучика.

Этот последний замечательный пример красноречиво говорит о том, что улица Тверская хочет возвратиться не только именем. Но для такого возвращения не остается свободной земли, как бы мало ее ни было нужно башнеобразной архитектуре.

Уже не Горького, но лишь фрагментарно Тверская, наша улица сегодня выглядит поистине улицей Койкого. Улицей-площадью красных и белых демонстраций, ночных пучевых бдений и плетущихся лужковских празднеств, танков и противотанковых ежей, листовок и плакатов – всего того, чем и заканчивается выставка в музее на Воздвиженке.

Жилой дом № 15–17. Архитекторы А. Мордвинов, С. Иоффе, 1939–1940. Эскиз.

П. Андреев и другие. Административное здание на 1-й Тверской-Ямской, 5. Проект (осуществляется). Фото Александра Шалеева (НГ-фото)

МЕНЯЕМ НОЖИКИ НА ХЛЕБ

В «немецких дворах» нарушена презумпция невиновности исторической застройки

Александр Вознесенский

«Н ЕМЕЦКИЕ дома», «немецкая слобода», «немецкие дворы» – таковы прижившиеся названия квартала в Москве, спроектированного архитектором Дмитрием Чечулиным и построенного пленными немцами в 1946–1948 годах в районе Октябрьского поля. Для Чечулина – автора проектов гостиниц «Россия», «Пекин», Концертного зала имени Чайковского, станций метро «Киевская», «Комсомольская», высотки на Котельнической набережной, ряда павильонов на ВДНХ, «Белого дома» и т.д. – «немецкие дворы» стали едва ли не единственным опытом малозатяжного жилья. Заказчиком в те времена выступало одно из подразделений НКВД.

Теперь «немецким дворам» угрожают сносом. По мнению начальника Архитектурно-планировочного управления Северо-Западного округа Е. Казаурова, «дома, относящиеся к жилому кварталу №4 («немецкая слобода»), являются аварийными и ветхими зданиями и подлежат сносу». При этом жителей планируется отселить в квартиры «переселенческого фонда», находящегося в границах округа (мы еще увидим, так ли это)...

Есть, разумеется, и другие точки зрения на запланированный снос. Пусть домам уже 50 лет, они кирпичные, малозатяжные, с деревянными покрытиями и перекрытиями, – но они не ветхие, как преподносит дело администрация района. А главное: люди довольны своим жильем, в котором провели всю жизнь. (Здесь сохраняются перед подъездами даже кованные лезвия для чистки обуви.) По мнению специалистов, «на сегодняшний день все строения данного квартала имеют статус ценной исторической застройки советского времени». Цитирую по бумаге, подписанной начальником Управления государственного контроля, охраны и использования памятников истории и культуры Москвы В.Булочниковым. Международная академия архитектуры, в лице своего вице-президента профессора Красильникова, заключает, что перед нами «...ценный образец архитектуры и градостроительства послевоенного периода... Подобных кварталов в Москве сохранилось очень мало». Президент Российской академии архитектуры А.Рочев вторит: «Квартал... своим высокопрофессиональным архитектурным решением и комфортной средой стал достопримечательностью города, его архитектурным и строитель-

ным памятником». Президент Союза московских архитекторов Д.Лукаев еще более конкретен: «Считаем, что снос данного квартала не оправдан ни с историко-культурной, ни с градостроительной, ни с социальной, ни с технической точек зрения, так как постановлением правительства г. Москвы № 920 от 19.11.97 г. отнесло его капитальные здания к объектам, требующим реконструкции (при износе домов

Земельные участки на территории муниципального района Щукино предоставляются под застройку ЗАО «Дон-Строй». Предлагаются «на условиях аренды сроком на 3 года на период проектирования и строительства жилых домов для обеспечения непрерывности «волнового» переселения жителей из пятиэтажных жилых домов, подлежащих сносу», как пишет в распоряжении от

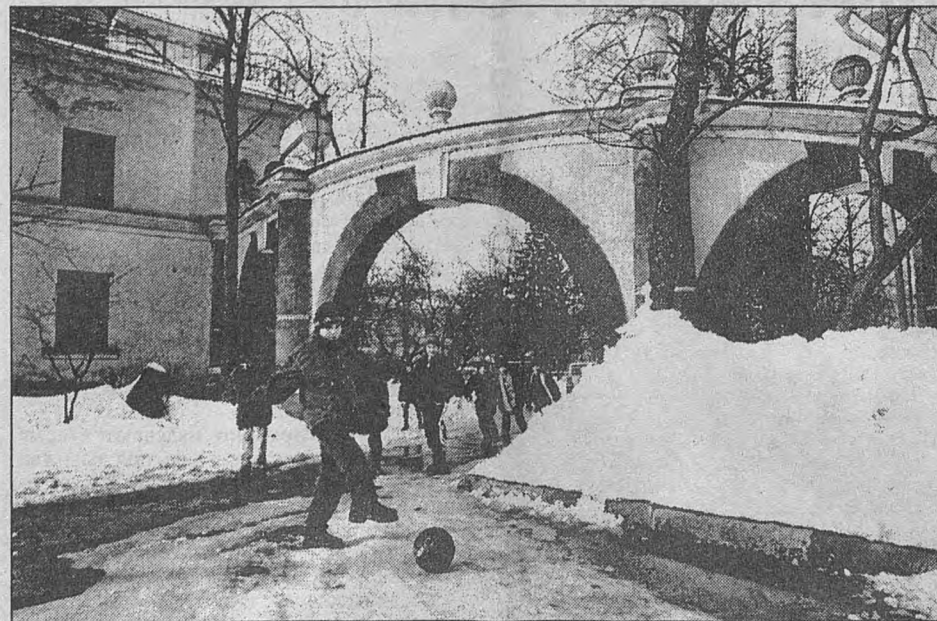

Фото Дениса Тамаровского (НГ-фото)

24.03.97 г. префект округа В.Козлов. Уже сегодня обострилась ситуация вокруг домовладения №28-30 по улице Расплетина, подле «немецких дворов». Козлов распорядился начать проектные и подготовительные работы на участке не позднее 1 апреля прошлого года. Два дома с износом около 40% уже снесены, и на их месте началось строительство, разрушающее целостность малоэтажной застройки. Хотя проектно-сметная документация в Мосгорэксперту не поступала и ею не рассматривалась.

26 февраля 1998 года Инспекция Госархстройнадзора Москвы направила на место предписание, где сказано, что строительство нулевого цикла 12-этажного жилого дома серии П-44 начато без необходимой организа-

ционно-технической подготовки. Понятно, у нас привыкли строить «на глазок», но кто сказал, что дом серии П-44 вообще устоит на злешних грунтах? И! что построит именно его? По имеющимся в редакции документам, этажность дома «плавала»: сначала от 6 до 14, затем от 10 до 17 – и снова до 14 (этажность улицы здесь – 5).

Возвращаясь к «немецким дворам», заметим, что непосредственно под ними залегает депо метрополитена, и если «Дон-Строй» получит-таки право на снос – а просто так «немецкие» не снесешь, нужно взрывать, – последствия будут непредсказуемы. Почвы здесь карстовые, подвержены размыванию, дома то и дело дают осадку. Недавно на улице Маршала Васильевского под асфальт чуть не ушла «Ока». Легкая вроде машина – и подоспешные жители смогли перенести ее на безопасное место... Там же, во дворах на улице Васильевского, облизали метро «Щукинская», «Дон-Строй» откопал башню на месте летского спорткомплекса. Обещали сделать другую площадку – и где она?

Вилка пен в этих «новорусских» домах – от 1700 до 6000 долларов за метр. А читатель, должно быть, подумал, что «Дон-Строй» строит для выселения из «немецких дворов» и, как декларировал префект Козлов, из пятиэтажек? Пятиэтажки вопреки всем распоряжениям Лужкова по всему району стоят, так и стоят. А из «немецкой» исторической застройки, дабы освободить престижное место, «волновое» переселили в Митино!

...В свое время культуролог Владимир Махнач сформулировал принцип «презумпции невиновности исторической застройки». А именно: для сохранения ее никаких аргументов не нужно. Обосновывать нужно изменение.

Помните, у Высоцкого: «На стройках немцы пленные на хлеб меняли ножики...» Кто и что меняет на сегодняшних стройках?

Анна Бронюцкая

У ГЛОВАЯ ротонда, попадающая в поле зрения человека, выходящего из метро «Октябрьское поле», невольно пробуждает любопытство. Если позволить этому любопытству возобладать над неотложными заботами, вашему взору откроется нечто весьма отличное от уже мелькнувшей в сознании классической русской усадьбы: двух-трехэтажные домики по периметру большого двора соединены аркадами не-

бычных очертаний. Частые арочные окошки и острые фронтоны домов, как и большие пластичные фонтаны по оси двора, усиливают впечатление, что вы находитесь не на московской окраине, а в маленьком центральноевропейском городке. Домики соседнего квартала имеют барочный декор, в том числе лепной мотив, в Москве, пожалуй, невиданный, – пломажи. Оканта здесь не только прямоугольные и арочные, но и круглые, а над входными дверями – веерные, в которых легко представить цветные стекла, и ажурные металлические козырьки. Через дорогу – квартал с домишками попроще, из нештукатуренного кирпича, но тоже вполне осмысленной архитектуры благодаря сильно вынесенному и проработанному деревянному карнизу кровли.

В 1948 году, когда создавалась лучшая планировка и проектировалась застройка этого городка, Октябрьское поле находилось еще за пределами Москвы, ограниченной тогда Окружной железной дорогой. Более того, этот анклав к северо-западу от Москвы был в значительной степени изолирован от города – и не без причины: еще в начале тридцатых годов близости по инициативе Горького был создан огромный научный комплекс Всесоюзного института экспериментальной медицины. Война сместила акценты, и ВИАМ распался на несколько учреждений не вполне человеческого назначения: деятельности институтов биофизики, микробиологии и ядерной физики (Курчатовского) была в те годы связана прежде всего с разработкой секретного оружия. Впрочем, Ходынка издана была вотчиной военных, и неподалеку до сих пор стоят Николаевские казармы, также в свое время переименованные в Октябрьские.

Но городок на Октябрьском поле казармы ничуть не напоминает. Очарование скромной архитектуры, уютность дворов, масштаб не то что соразмерный человеку, а возвышающий его, остро ощущаются, когда в ткань этих призрачных кварталов вторгается обычная типовая застройка последующих десятилетий. Ясно, что в жилом строительстве первых послевоенных лет реализовалась выношенная мечта о прекрасной мирной жизни, о должном воссоединении различных войной семей. Вполне вероятно, что проектировали здесь и немцы. (Вопрос об этом вынужденном, но все же плодотворном творчестве мог бы стать предметом внимания Гете-института.) В любом случае в архитектуре и планировке этих кварталов сказались впечатления о виденных во время войны немецких городках.

Уже через несколько лет кварталы Октябрьского поля можно будет назвать образцом уникальной застройки середины прошлого века.